

Константин Станюкович

**Благотворительная
комедия**

Константин Михайлович Станюкович

Благотворительная комедия

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165647

Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2.: Художественной литературы; Москва; 1988

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Константин Михайлович Станюкович БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ КОМЕДИЯ

I

Заседание «Общества для пособия истинно бедным и нравственным людям» было назначено ровно в два часа в квартире члена общества, Елены Николаевны Красногор-Ряжской.

Елена Николаевна сама присмотрела, как в залу внесли большой стол, накрыли его зеленым сукном и вокруг расставили кресла. Затем она принесла из своего кабинета маленькую изящную чернильницу и крохотный звонок с бронзовым амуром для председательницы и собственноручно разбросала по столу чистенькие экземпляры отчета, листки почтовой бумаги и очиненные фаберовские карандаши. Окончив эти занятия, Елена Николаевна окинула довольным взглядом стол и подошла к зеркалу посмотреть на себя. Зеркало без малейшей лести показало ей хорошенькую молодую женщину в черном фаре, гладко обливавшем стройный стан. Тем-

ные локоны, спускавшиеся к плечам, оттеняли матовую белизну личика с тонкими чертами, чуть-чуть поднятым носиком и парой карих улыбающихся глазок. Веселое выражение Э 1 очень шло к этой подвижной физиономии. Елена Николаевна осталась довольна номером первым и сделала мину Э 2, мечтательно-задумчивую. Глаза перестали улыбаться и глядели куда-то вдаль через зеркало, розовые, не без знакомства с кармином, губки сжались в нитку, белый высокий лоб подернулся морщинками.

Елена Николаевна нашла, что и Э 2-й был недурен. Она собиралась было перейти к Э 3-му, как из прихожей мягко звякнул звонок. Елена Николаевна отпорхнула от зеркала с легкостью ласточки и, опустившись на угловой диванчик, стала внимательно штудировать изящную брошюрку полугодового отчета, посматривая, однако, одним глазком повыше страниц.

Знакомые шаги медленной, уверенной походки заставили Елену Николаевну сделать гримасу Э 5, более знакомую супругу, чем публике, отложить брошюру в сторону и бросить недовольный взгляд на проходившего мужа, бледного, серьезного, пожилого господина лет сорока с хвостиком.

– Опять? – тихо процедил он сквозь зубы, кисло улыбаясь и косясь на стол.

– Что опять?

– Говорильню устраиваете?

Карие глазки сощурились, лицо подернулось выражением

Э 4, снисходительного презрения, и тихий, не без иронической нотки голос проговорил:

– Ты, Никс, верно, опять не в духе... Что твоя печень?

Муж на ходу полуобернулся, взглянул на жену серыми, полинявшими от департаментского воздуха глазами таким взглядом, в котором всякая другая женщина, кроме жены, легко прочтала бы «дуру», и, не соблаговолив комментировать своего взгляда, той же медленной, уверенной походкой прошел в кабинет.

– Моя печень? – повторил он вслух. – Моя печень! Очень нужна ей моя печень!

Он присел к столу, придвинул к себе бумаги, взял своими длинными, прямыми пальцами такой же длинный, прямой карандаш и стал читать.

«Удивительно стала беспокоить ее моя печень!» – пронеслось в голове его превосходительства в последний раз, и он углубился в бумаги.

Надо полагать, что Елена Николаевна была права, выказывая заботливое участие к печени своего мужа, так как лежавший перед ним доклад подвергался таким пометкам, а надписи, восклицательные и вопросительные знаки ставились им в таком изобилии, точно перед господином Красногор-Ряжским лежал не доклад о «строптивом столоначальнике», а манускрипт русского литератора.

«Строптивный столоначальник», позволивший себе в соборе губернского города N подойти к кресту раньше дру-

того, старшего чиновника, и не уступивший места, несмотря на сделанное ему по сему предмету предложение, в докладе, составленном на основании местных донесений, являлся лишь в образе «строптивного» столоначальника, за что господин докладчик и «полагал бы» уволить столоначальника от службы, с тем чтобы впредь его никуда не принимать. Но под бойкими литерами карандаша его превосходительства «строптивный столоначальник» мало-помалу терял строптивость за счет неблагонамеренности и начал постепенно принимать образ, более похожий на провинциального Мазаниелло, чем на удрученного семейством, солидного, хотя и «строптивного столоначальника».

Карандаш резво шалил по докладу, вычерчивая сбоку краткие сентенции, вроде «для примера прочим», «снисхождение, как учит нас опыт, не всегда приносит плоды», «важен не самый факт, а подкладка его» и тому подобное. В заключение длинный, прямой и уже притупленный карандаш «в свою очередь полагал бы» строптивного столоначальника...

На этом карандаш замер в руке его превосходительства.

Господин Красногор-Ряжский послал ко всем чертям «строптивного столоначальника», с сердцем отодвинул бумаги и стал прислушиваться. Из соседней комнаты долетали слабые звуки голоса... Его превосходительство поморщился, встал, подошел к дверям и тихонько их приотворил...

В его ушах ясно раздавался ненавистный голос «долговязого» секретаря, рассказывавшего нежным тенором *di grazia*

¹ трогательную повесть о посещении первого участка истинно бедных и нравственных людей. Голос его то возвышался до негодующих нот, то замирал, то переходил в тихое журчанье...

– Каналья! Как он поет этим дурам! – прошептал господин Красногор-Ряжский, и его желтое лицо перекопилось в злую усмешку.

Господину Красногор-Ряжскому с чего-то вообразилось, будто пара прелестных глаз Елены Николаевны непременно должна в эту самую минуту смотреть на оратора с выражением Э 1. Как бы он желал удостовериться и незаметно посмотреть! Но это было невозможно, неприлично. Он с сердцем затворил двери и заходил по кабинету. «То-то стала нужна ей моя печень!» – проносилось у него в голове, и вслед за тем перед глазами его превосходительства мелькали такие нумера взглядов супруги, которые часто останавливались на многих молодых людях и только раз в месяц на нем самом, именно двадцатого числа, когда господин Красногор-Ряжский выдавал Елене Николаевне деньги на домашние и личные ее расходы.

Он наконец присел к столу, взял снова карандаш и стал проделывать с бедным строптивым столоначальником такие ужасные комбинации, после которых, казалось, строптивость должна была вовсе исчезнуть из обращения в том ведомстве, где служили господин Красногор-Ряжский и строп-

---

¹ лирическим (*ит.*)

ТИВЫЙ ЧИНОВНИК.

II

– И главное, отраднo то, милостивые государыни, – говорил между тем секретарь «Общества для пособия истинно бедным и нравственным людям», высокий (но вовсе не «долговязый») молодой человек с вкрадчивыми голубыми глазами и светлыми волосами, – отраднo то, что факты свидетельствуют о плодотворной деятельности нашего, едва окрепшего младенца-общества. Пусть скептики указывают на узкие будто бы рамки нашей деятельности, но я смею, милостивые государыни, надеяться, что дешевый скептицизм не смутит нашей энергии. (Разумеется! Разумеется!) Если мы поможем хотя десяти истинно бедным и нравственным людям, возвратив обществу действительно полезных его членов, то мы сделаем, милостивые государыни, действительную услугу и обществу и возвращенным в него членам, хотя, конечно, не в состоянии будем хвалиться тем обилием вспомоществований, которым щеголяют отчеты общества «Утоли моя нужды»... (Очень хорошо!)

Секретарь сделал паузу, встряхнул головой, словно бы желая сбросить с нее какую-то тяжесть, поискал подбородком, на своем ли месте белоснежные воротнички рубашки, взглянул на Елену Николаевну и на всех «милостивых государынь», внимательно вперивших взоры в оратора, откинулся назад, потом подался вперед, сделал тот известный

жест (протягивания руки вперед и несколько кверху, ближе к небу), которым артисты Александринского театра обычно предупреждают публику о патетическом монологе, и быстро разразился следующей тирадой:

– Милостивые государыни! Благодаря самоотвержению, с которым вы, часто с опасностью жизни... да, я могу сказать это: с опасностью жизни, идете навстречу людским страданиям, и с гуманностью, отличающей наш век, не гнушаетесь снять перчатку, чтобы подать руку помощи нравственности, готовой поскользнуться, наши дружные усилия дали блестящие результаты, и мы вправе сказать себе в глубине сердца, указывая на тех лиц, которые вырваны нашими усилиями из бездны нищеты и порока: наше семя не пало на каменистую почву. Голодные накормлены, сирые призреены, несчастные утешены. Какая награда может быть выше этого?! – заключил речь секретарь, опускаясь на кресло и робко опуская глаза на им же составленный полугодовой отчет, под бременем скромного сознания торжества.

Все до одной «милостивых государынь» – а их было тридцать – выразили самую горячую благодарность оратору за его «прочувствованную» речь. Раздались рукоплескания, многие говорили: «Как хорошо!», другие шептали: «Прелестно». Только Елена Николаевна ни слова не сказала, но зато наградила оратора (когда он уже оправился от смущения и поднял голубые глаза на «милостивых государынь») таким быстрым, но теплым взглядом, который придал ее лицу выраже-

ние несравненно мягче известного мужу под номером один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.